

Пётр Николаевич Краснов

Екатерина Великая

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.6
ББК 84-4
К77

К77 **Краснов П.Н.**
Екатерина Великая / Пётр Николаевич Краснов – М.: Книга по Требованию,
2012. – 260 с.

ISBN 978-5-4241-2003-9

Краснов Петр Николаевич (1869-1947), профессиональный военный, прозаик, историк. За границей Краснов опубликовал много рассказов, мемуаров и историко-публицистических произведений.

ISBN 978-5-4241-2003-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Пётр Николаевич Краснов
Екатерина Великая

От автора

Екатерина Великая!.. Подлинно была она великая во всех своих замыслах, работах и творческом размахе на всем протяжении своей сравнительно долгой жизни, из коей половину — тридцать четыре года — она просидела на престоле Всероссийском. Она продолжала дело Петра Великого, она использовала тихую, мирную, благостную, малозаметную, но какую большую культурную работу Императрицы Елизаветы Петровны и блестяще зав; ончи-ла для России ее XVIII век. Петр прорубил окно в Европу — Екатерина на месте окна устроила широко раскрытые двери, в которые входило в Россию все передовое, разумное, мудрое, что было в Западной Европе. Она завоевала теплый, благодатный Юг и из единоплеменного, Северного Русского, Московского Царства сделала Государство Российское, равно владеющее дарами Севера и Юга с сотней племен и наречий, шагнула за пределы океанов Ледовитого и Великого, и Северная Азия преклонилась перед нею.

Административный и политический ум и опыт, ясная прозорливость полководца, широкие — кажущиеся современникам фантастическими — планы, которые она проводит в жизнь, литературный и публицистический таланты, отточенная мысль в письмах и рескриптах, обаятельный характер, красота телесная — все соединилось в ней, чтобы блистать на протяжении полувека. Следы ее творчества рассеяны по двум материкам Старого Света, и нет уголка Российской земли, где не было бы «построенного при Екатерине»... Какие люди ее окружали, или, вернее, какими людьми она себя окружала!.. Каждое имя — эпоха, каждое — талант, гений!.. Суворов, Румянцев, Спиридонов, Потемкин, Бецкий, Державин, Крылов, Фонвизин и т. д. и т. д.

Она стояла на такой высоте, что казалась недосыгаемой, а была так легко доступна. Ее превозносили, ее славословили и воспевали... Ей завидовали, на нее клеветали, и сплетня старалась закидать ее грязью. У нее было много друзей, еще больше врагов.

Чтобы изобразить Екатерину Великую так, как она есть, — дать литературный ее портрет, мне понадобилось бы по меньшей мере восемь таких книг, как эта. С какую радостью написал бы я их, но...

Мы живем в тяжелое время. Издать и продать восемь томов о Екатерине в нашем жутком изгнаническом плену невозможно. И как это ни тяжело и ни обидно — писателю приходится теперь считаться с условиями книжного рынка.

Я даю только одну сторону жизни Екатерины Великой -

Её роман.

Роман, где *героем -Екатерина Алексеевна, а героиней — Россия...* Та Россия, которую она полюбила со всею страстностью своей не женской, но мужской натуры, обладания которой добивалась и всех соперников своих устранила с холодной жестокостью.

Потому я и считаю, что наиболее точное определение моему двухлетнему труду будет — *роман*.

I

В 1795 году Иван Васильевич Камынин достиг большого благополучия. Он

был действительным статским советником. Он не попал в вельможи — об этом, впрочем, он никогда и не мечтал, — у него не было, как у Разумовских или Строгановых, великолепных усадеб и дворцов, но он был прекрасно устроен на полном покое в одном из домиков китайской деревни в Царскосельском парке. Снаружи — китайский дом — разлтая крыша с драконами вместо коньков по краям, крытая черепицей с глазурью, фарфоровый мостик, фуксии в пестрых глиняных горшках, своеобразные двери и окна — внутри весь дворцовый комфорт того времени. Паркетные полы, красивые, в китайском стиле, обои, высокие изразцовые печи, выложенные кафельными плитками с китайским узором. Они солидно гудели в зимнюю стужу заслонками и дверцами, пели сладкую песню тепла и несли это тепло до самого потолка.

Придворные вышколенные лакеи, в неслышных башмаках и белых чулках, в кафтанах с орленым позументом, обслуживали Камынина; из дворцовой кухни ему носили фрыштыки, обеды и вечерние кушанья, в каморке подле лакейской на особой печурке всегда был готов ему кипяток для чая или сбитня, из петергофской кондитерской раз в неделю ему привозили берестяные короба с конфетами, а с садов, огородов, парников и оранжерей поставляли цветы, фрукты, ягоды и овощи.

И часто в благодущные минуты Камынин говорил про себя словами Потемкина из оды Державина «Фелица»:

А я, проспавши до полудня,
Кую табак и кофе пью;
Преображая в праздник будни,
Кружу в химерах мысль мою...
...Или в пиру я пребогатом,
Где праздник для меня дают,
Где блещет стол серебром и золотом,
Где тысячи различных блюд,
Там славный окорок вестфальской,
Там звенья рыбы астраханской,
Там плов и пироги стоят,
Шампанским вафли запиваю.
И все на свете забываю
Средь вин, сластей и аромат...

От такой жизни очень округлилось лицо у Ивана Васильевича, глаза заплаыли прозрачным слоем жира, и было в них необычайное благодущие и кротость. После бурной жизни, проведенной в боях и путешествиях, в политической игре и подслуживании вельможам, он обрел желанный покой. У него отросло порядочное брюшко, и по утрам, когда Государыни не было в Царском Селе, он и точно спал до полудня, а дни проводил в халате, то за письменным столом, за бумагами и книгами, то в глубоком и мягком кресле в дремотном созерцании мира.

Он подтягивался лишь в дни пребывания Ее Величества в Царском Селе, потому что в эти дни могло быть, что ранним утром вдруг заскулит у входной двери государынина левретка, тонкая лапка заскребет ногтями, пытаясь открыть дверь, и только распахнет ее на обе половинки Камынин — с утра в кафтане, в камзоле и в свежем парике, чисто бритый, — смелою поступью к нему войдет

сама Государыня.

Она в просторном утреннем платье, в чепце, свежая от ходьбы, оживленная и бодрая.

— Здравствуй, Иван Васильевич, — ласково скажет она и сядет в глубокое кресло, услужливою рукой пододвинутое ей. — Ну, как дела? Продвигается твоя работа? Что еще надумал? О чем пытаться будешь? Что еще тебе во мне непонятно?

Государыня пьет у Камынина утренний кофе и перебирает с ним бумаги и старые письма.

Дело в том, что с высочайшего на то разрешения Иван Васильевич Камынин пишет книгу «Дух Екатерины Великой»...

II

Иван Васильевич ждет к себе гостя. Этот гость лет на тридцать моложе Камынина. Август Карлович Ланбахер — немец По рождению, русский душою — по поручению Орлова лет десять тому назад был отвезен Камыниным за границу и вот вернулся теперь бодрый, энергичный, напитанный свободомыслящим заграничным духом, пытливым, ищущим, критикующим, желающим все познать до дна и найти непременно истину. Он вошел в Новиковский кружок вольных каменщиков, а теперь жаждал о многом и главное — о Государыне, хорошенько поговорить с Камыниным, которого еще с совместной поездки за границу называл «учителем».

И вот в это прекрасное осеннее утро, когда воздух, казалось, был напоен терпким винным духом, так ароматно пахла увядающая листва, дворцовая, дорожная, разъездная карета проскрипела железными шинами по мокрому песку дороги, Камынин послал навстречу гостю лакея, и сам Август Карлович, веселый, оживленный, чистенький, точно полакированный заграничным лаком, влетел в прихожую, огляделся быстренько перед большим зеркалом в ясеновой желтой раме и очутился в пухлых объятиях Камынина.

— Садись, да садись же, братец, экий ты неугомонный. Устал, поди, с дороги.

— Пойдите, учитель, дайте осмотреться. Как все прекрасно тут, как оригинально!.. Ки-тай-ская деревня! Под Петербургом! И сколько уюта, тепла и прелести в ней. И вы!.. Вы все тот же добрый, спокойный, тот уже уютный, милостивый, радушный учитель... Вот кому от природы дано франкмасоном быть. В вас все такое... братское! И вы среди искусства... Это... Фрагонар?.. А это?... Наш Левицкий!.. Какая прелесть!.. Что же, это все она вам устроила?.. Милостивая царица, перед которой все здесь благоговеют... Мне говорили даже, что вы пишете. Пишете... О ней.

— Да, Август. Пишу. Долгом жизни моей почел написать эту книгу.

Камынин подошел к столу и раскрыл толстый брульон (тетрадь-черновик), переплетенный в пестрый с золотыми блестками шелк. Он открыл первую страницу. Там была в красивых косых и круглых завитках, как в раме, каллиграфски изображена надпись, вся в хитрых загогулинах. Пониже мелким прямым почерком было написано стихотворение.

— Вот видишь... «Дух Екатерины Великой». Я долго колебался, как лучше назвать — «Дух великой Екатерины» или «Дух Екатерины Великой»? Последнее мне как-то больше понравилось. А эпиграфом — стихи Вольтера, ей посвящен-

ные, в русском переводе. Фернейский философ послал эти стихи Государыне в 1765 году в ответ на ее приглашение в Петербург, на карусель, где девизом Государыни была «пчела» с надписью — «польза». Вот видишь:

Пчела, как в свете ты полезна...

Ты и страшна, ты и любезна;

Для блага смертных ты живешь:

Ты пищу им, ты свет даешь.

Но, коль и нравиться ты знаешь...

Мне тем достоинств прибавляешь...

— Та-ак, — протянул Ланбахер. — Так, так, так... — В его голосе не отразился тот восторг, который как бы излучался от всего Камынина. — И что же, учитель? Вся книга ваша в этом же духе тонкой лести?.. Как у старого лстеца Вольтера? И все совершенно искренно? Неужели? Быть того не может!

— Ты что же, Август?.. Ты думал — проданся учитель? На старости лет стал в череду придворных лстецов, за теплый угол и сытый покой отдал правду? Поет небожительницу?

Ланбахер задумался. Он сел в глубокое кресло против Камынина и сказал тихим голосом:

— Учитель, позвольте задать вам несколько вопросов. Это то, что меня волновало за границей, когда мне приходилось говорить там о русских делах и о... Государыне... Я много слышал... Приехал сюда и задумался. Вчера в Эрмитаже... Потом объехал весь Петербург... Какой блеск, какая красота! Смольный, Потемкинский дворец с его садами, прудами и озерами — вся эта сказочная роскошь Петербурга — это не пыль в глаза, чтобы глаза не видели, чего не надо? Блестящий, изумительный, великолепный занавес, произведение тончайшего искусства, — а за ним грязный сарай, полный мертвечины, гниющих костей и всяческой мерзости. Гроб повапленный... так казалось мне. Так думаю и теперь. Вы позволите все сказать, что слышал и что сам продумал?

— Говори, если начал. Говори, договаривай. Молодо — зелено... И мы когда-то так думали, колебались и сомневались. Только знание побеждает сомнение.

— Так вот... Какое прекрасное начало царствования... «Наказ». Каждое слово дышит *«L'esprit des lois»* Монтескье... («Дух законов»)

— Верно, верно, Август. Государыня эту книгу называет молитвенником своим. Не расстается с нею.

— В «Наказе» мысли из *«Essai sur les moeurs et l'esprit des nations»* Вольтера («Опыт о нраве и духе народов») и из «Анналов» Тацита... Все это такое передовое, такое — я бы сказал — европейское!.. И мы ждали... Освобождения крестьян! Воли рабам! Она же говорила, что «отвращение к деспотизму верным изображением практики деспотических правлений» внушено ей чтением Тацита. Мы ждали отказа от самодержавия, создания представительного народного правления, будь то по старорусскому укладу вече, или там Земский собор, или по образцу английскому — парламент. И мы ждали от нее великого света с востока, и вместо того...

— Ах, Боже мой, Август... Одно, как говорит она, «испанские замки» мечтаний, другое — труд, правление. Да народ-то русский созрел для таких реформ?.. Не делала она опытов, не пыталась и дальше идти по намеченному пути? Она показала свой «Наказ» ряду лучших передовых людей. «Наказ» испугал их.

В нем видели такое резкое уклонение от старых порядков, такую ломку, какой и Петр Великий не делал. Никто не соглашался на освобождение крестьян. Отмена пытки казалась невозможной. Пришлось сократить и переделать «Наказ». Государыня, однако, не остановилась перед препятствиями. Ты знаешь, слышал, конечно, о созыве в 1767 году Комиссии о сочинении нового уложения... Были собраны представители от дворян, горожан, государственных крестьян, депутаты от правительственных учреждений, казаки, пахотные солдаты, инородцы... Пятьсот семьдесят четыре человека собралось в Москве. Какого тебе Земского собора еще надо! Собрался подлинный российский парламент. И что же? О России они думали? Нет! О России она одна думала. Там думали только о себе, свои интересы отстаивали, свои выгоды защищали. Дворянство требовало, чтобы только оно одно могло владеть крепостными людьми, требовало своего суда, своих опекунов, свою полицию, права на выкурку вина, на оптовую заграничную торговлю. Оно соглашалось на отмену пытки, но только для себя... Купцы тянули к себе. Крестьянство...

— Ну что же крестьянство?... Что же оно? В этом-то весь смысл.

— Что говорить о нем! Чай, и сам знаешь... За границей очень много об этом писали. Крестьянство ответило — Пугачевым... Пугачев освободил крестьян, и они показали, на что способен народ без образования, но с волей. Пугачев подарил народу — иначе он не мог поступить, как должна была бы поступить и Государыня, если бы сейчас вздумала бы освобождать крестьян, — подарил земли, воды, леса и луга безданно и беспошлинно. Он призывал уничтожить все ненавистные заводы и истреблять дворян. «Руби столбы — заборы повалятся», — писал он. Столбы рушились на совесть. Тысячи дворян, помещиков были повешены. Пугачев приказывал: «Кои дворяне в своих поместьях и вотчинах находятся, оных ловить, казнить и вешать, а по истреблении оных злодеев-дворян всякий может восчувствовать тишину и спокойную жизнь, кои до века продолжаться будут...» Вот что такое народная воля без просвещения! И Государыня как еще это поняла! На пугачевский бунт она ответила — Комиссией о народных училищах, главными народными училищами, специальными школами и прочая, и прочая. Ты посмотри-ка теперь, сколько стало образованных и просвещенных людей в России, и теперь уже нет надобности, как тебя, посылать учиться за границу — свое имеем, и очень даже неплохое. Вот с чего начала она — волю крестьянам!..

— Да... Может быть... Если только это правда...

— Как — правда?... Ужели ты думаешь, я лгу?..

— Нет, учитель, я того не думаю... Но везде, где Государыня, — много шума, треска, разговора, а много ли дела?... Прости — даже есть ложь, ей для заграницы и для большого народа нужная. Возьмем ее манифесты. В своих манифестах о вступлении на престол Государыня пишет, что она отняла престол от мужа «по единодушному желанию подданных». Да где же это единодушное желание подданных? В чем оно выразилось? Она постоянно играет словом «народ». «Намерения, с которыми мы воцарились, не снискание высокого имени освободительницы российской, не приобретение сокровищ... не властолюбие, не иная какая корысть, но истинная любовь к отечеству и всего народа, как мы видели, желание нас побудило принять сие бремя правительства...» И все в таком же роде... Что же это такое?... Обман? Желание укрыться за народ?

— Странные вы люди, российские недоучки, профессорами думающие быть... Если Государыня пишет от себя, от своего имени... О!.. Как вы недовольны!.. Какие громы и молнии мечете!.. Самодержавие!.. Ежели напишет она от имени народа... Как можно?... А кто ее уполномочил на это?... А где же этот народ?... Видал ты в России народ?... Знаешь ты народное мнение?... Народное мнение — это Пугачев!.. Она материнским своим сердцем, своим знанием России и своею любовью к России угадала, что и как нужно написать.

— Учитель, я думаю иначе... Она писала это для иностранцев...

— Для иностранцев?... Бога ты побойся, Август... На что ей сдались эти иностранцы?

— А нет!.. Она любила-таки писать Вольтеру и Дидероту, лицом себя им показывала... Она и писатель, и драматург. Зачем же это-то?

— Боже мой!.. Боже мой! Благодаря ей быть писателем, быть актером в России стало не зазорно... Сама Государыня пишет!

— Да она, говорят, неграмотна.

— Говорят!.. Говорят!.. Говорят, что кур доят и что коровы яйца несут. Ее статьи во «Всякой всячине», ее пьесы полны ума и тонкого блеска. Неграмотна? Да так ли мы все-то грамотны?... Еще недавно она так мило сказала своему секретарю Грибовскому, подавая для исполнения собственноручно написанную записку: «Ты не смейся над моей русской орфографией. Я тебе скажу, почему я не успела ее хорошенько узнать. По приезде моем в Россию я с большим прилежанием начала учиться русскому языку. Тетка Елизавета Петровна, узнав об этом, сказала моей гофмейстерине: «Полно ее учить, она и без того умна». Таким образом могла я учиться русскому языку только из книг, без учителя, и это самое причиною, что я плохо знаю правописание...»

— Да, все это так... все может быть, но у меня есть и еще один вопрос, и очень деликатный. Вопрос, который особенно страстно обсуждается, и в нем у нас там разномыслия нет.

— Постой, Август. Ежели вопрос тот серьезный, о нем — потом. В столовой звенят посудой. И как аппетитно оттуда пахнет. Позавтракаем, погуляем и тогда и на твой деликатный вопрос ответим со всей искренностью и правдою.

Камынин обнял за талию Ланбахера и повел его в столовую, декламируя нараспев:

Там славный окорок вестфальской,
Там звенья рыбы астраханской,
Там плов и пироги стоят...

В столовой придворный лакей поднимал крышку с овального супника, и мягкий аромат налимьей с ершами ухи тонко щекотал обоняние хозяина и гостя.

III

Вечером камердинер спустил шторы, по указанию Камынина зажег две свечи под зеленым шелковым абажуром, подбросил в печку березовых дров и подал поднос с большими китайскими чашками и серебряными в выпуклых орлах дворцовыми чайниками. В кабинете стало тепло и уютно. Кругом была тишина осеннего вечера в большом Царскосельском парке.

Камынин, усаживаясь глубоко в кресло, сказал, продолжая разговор, который они вели во время прогулки по парку:

— Любовники... Все это, прости меня, Август, — тень-брень... Чепуха. Заграничные выдумки любителей под кровать лазать да там амуров искать и в щелочки спален высочайших особ подглядывать.

— Что вы говорите, учитель! От правды не укроетесь. Начнем перечень. Он будет длинен... Салтыков?

— Гм... Да... Салтыков... Знаю, что об этом больше всего принято болтать. Так вот, знай, никогда граф Сергей Васильевич Салтыков любовником Великой Княгини Екатерины Алексеевны не был. Екатерина Алексеевна была дома матерью, а более того — отцом, старым суровым лютеранином, солдатом, человеком долга, очень строго воспитана. На нее влиял солдатский ригоризм Фридриха, короля Прусского. Она не думала о любовниках. Но ее муж развивался медленно, и она долго не имела детей. Да, правда, Императрица Елизавета Петровна, очень этим обстоятельством обеспокоенная, толкала ее в объятия Салтыкова, а Бестужев и Чоглокова просто-таки сводили ее с ним, но... В это-то как раз время под влиянием ревности к Салтыкову, а также благодаря смелой любовной науке фрейлины Елизаветы Романовны Воронцовой Великий Князь Петр Федорович проснулся и научился науке страстной, и России пожеланный наследник родился вполне естественным и законным путем... Далее, многие говорят о Понятовском... Этот красивый и умный поляк был просто без ума влюблен в Государыню. Он из-за нее и «отчизну» позабыл. Но она-то, умница, вела с ним тонкую политическую игру, но никак не игру любовную. Она истомила его, рабом своим сделала, но господином ее он не был. Умница!.. Но вот ей нужны люди, способные для нее на все. Ведь только тогда и явился тот, кто одиннадцать лет владел ею как муж, — Григорий Орлов. Она готова была видеть в нем своего Алексея Разумовского, да когда вполне поняла грубую натуру Григория, стала отдаляться от него. И она и посейчас была бы все-таки с ним, если бы он ей не изменил... Потом были и другие... Долго был Потемкин. Она крепко любила его за все — и за верность его, и за большой ум, и талантливость прежде всего... Потемкин умер. На смену пришли другие. Не так уж и много. Ты знаешь, к какому заключению я пришел, пища свою книгу. У нее мужской характер и организм мужской. И как мужчина может творить только тогда, когда его мужское начало получит удовлетворение, так и она. Ей нужен был мужчина, чтобы творить ее великое дело. Она вдова... Ей угрожала истерия... Вот и брала она таких себе временных мужей, которые не мешали бы ей царствовать. Но говорить о мужском гареме, как то болтают за границей, о двадцати одном фаворите, прости меня, это же просто — низость! Старые послы иностранных государств, сластолюбцы, восхищенные Государыней, сами ни на что не способные, искали пятен на нашем ясном солнышке. Прибавь — петербургские сплетни. Если Императрица улыбнулась кому-нибудь ласковее, одарила не по заслугам, а она-таки любит делать подарки — вот и создан новый фаворит... Как многие сами намекали или умышленным умолчанием давали понять, что и они приобщились к царственному ложу. Тщеславие и подлость — родные сестры. Вот откуда пошла молва о десятках фаворитов. Из мудрой нашей Государыни римскую Мессалину сделали. Заплевать хотели наше солнышко. А как ненавидят ее иностранцы, особенно поляки, как завидуют, клеветают...

— Так, понятно. Сами знаете, учитель, полякам любить Государыню не за что. Надо понимать национальное их чувство.

— Верно, Август, но прежде всего нужна справедливость. И в самой нелюбви не должно допускать клеветы. А то подумай — Пугачевым готовы были заменить мудрую нашу Государыню, Великую Екатерину!.. А то еще, что мне хорошо очень известно, — безродную, не помнящую себя, развратную девочку готовы были проводить на Российский престол. А представь — удалось бы, расчленили бы, пораздавали бы Россию по кусочкам кому угодно. О подлецы!.. Самоплюи!.. Ну вот, не будем об этом долго говорить. Ты, конечно, слышал про героя нашего народного, богатыря русского, Александра Васильевича Суворова. Непобедимый наш герой! Весь свет его знает. Солдаты его обожают. Он совесть наша народная. В нем мудрость, любовь к отечеству и справедливость. Так вот он — совесть народная, чистая солдатская душа, которую нельзя ни в чем упрекнуть, весь устремление к Богу и правде, — когда входит в покои Государыни, сейчас же отвешивает перед божницею три земных поклона, отобьет их повернется к Государыне и ей такой же, в землю лбом... Государыня бросается к нему. «Помилуй, Александр Васильевич! Что ты делаешь?.. Разве можно так?..» Суворов встает с колен, почтительно целует ручку Государыни и говорит: «Матушка!.. После Бога — ты одна моя здесь надежда!..» Ты думаешь, Суворов не знал ее, не понимал насквозь, не слышал всего того, что о ней болтают, а вот понял ее, не осудил, не подсмотрел в ее глазу сучка, но увидел только ее громадную, все покрывающую, все преодолевающую любовь к России. А преодолеть ей пришлось многое. О победах, о завоеваниях, о реформах ее говорить не стаду _все это на виду у всех, а вот узнай хорошенько ту борьбу за власть, за право вести Россию по тому пути, по которому она вела, немногие это знают, ибо многое до времени скрыто от людей. Узнай ее всю, от раннего детства, узнай ее несчастливое замужество, послушай, как много ей пришлось перенести даже и унижительного, узнай ее твердость в решительные минуты, когда и мужчина растерялся бы, и я уверен, если ты все это выслушаешь, не станешь больше повторять легкомысленные сплетни и злобную клевету на величайшую в мире монархиню. Если хочешь, послушай, а я тебе все расскажу, как жила она, как формировалась из нее стальная, твердая, настоящая монархиня. Государыня Божией милостью.

— Ну как же не хотеть! Я за этим и в Россию приехал, я за этим к вам пришел, чтобы услышать правду.

— Так вот, садись удобней, мой рассказ будет долг, не один осенний вечер займет он.

Камынин со вкусом выпил большую дворцовую чашку чая, съел пирожное, тщательно утер рот, глубже уселся в большое кресло, откинулся на спинку, закрыл на мгновение глаза, чтобы лучше сосредоточиться, и начал спокойным, сытым, барским голосом...